

ГРАФИНЯ ЗАДУНАЙСКАЯ

Рассказ

Программу бала мне вручил уважаемый молодой человек в синем галстуке. Беглый ее просмотр подтвердил: культурный сей документ кардинально отличается от аналогичных девятнадцатого века. Помимо череды вальсов публику будут развлекать катанием на дирижабле, дуэлью представителей разных сословий, а монахиня некоего прославленного женского заведения прочитает стихотворения романтического характера. Однако мне не до развлечений, первоочередная задача — разыскать графиню Задунайскую.

В холле никого, гости уже приступили к увеселениям. С почетным вниманием Синий Галстук сопровождает по коридору, темному и безликому. Только у подножия лестницы полумрак рассеялся. Сквозь витражное окно лучи заходящего солнца падают на стеклянные, с перламутровым отливом, ступени и перила. Кубики оконной мозаики и лестница играют светом, будто мячом, пасуя друг другу. И если витраж, например, подает красный мяч, то одна из ступеней возвращает его уже другим, смягченного розового оттенка. Синий Галстук, удовлетворенный моим восторгом, пяясь, удаляется на свое место, к гигантским дубовым дверям. Вопреки ожиданиям, первая ступенька не трескается под тяжестью тела, более того, по ней не бегут паутинки, предвещающие немедленное разрушение. С максимальной скоростью и на цыпочках (мало ли что!) преодолеваю два пролета. И вот первая преграда: опрятный дворецкий, который наверняка будет выпытывать мое имя, чтобы, лихо стукнув палкой, провозгласить его собравшимся в зале. Во-первых, этот бал — первый в моей жизни. Как ни прискорбно, не посещал подобные мероприятия на протяжении всех тридцати четырех лет. Ну и, во-вторых, просто-напросто не знаю, какую фамилию выбрать, чтоб не выделяться среди гостей.

— God kveld! Kodeord? — приподняв кустистые черные брови и намекнув губами на улыбку, обратился ко мне дворецкий.

Это был один из языков, которых я не знал: может быть, шведский, но, скорее, датский. Поэтому сказал то, что помнил по-старорусски:

— Гой еси! Хороши хоромы, чело — живот — выдюжить.

Дворецкий еле заметко закатил глаза и пробубнил на современном русском:

— Добрый вечер! Пароль?!

Вслед за мной в замешательство пришел и задавший вопрос. Он с виноватым видом порылся в карманах широких зеленых штанов, предварительно прислонив палку к стене, и выудил смятый в комок черный лист. На бережно распрямленной бумаге, непонятно по какой причине, начали проступать белые столбцы чисел. Дворецкий следил за каждой вновь появлявшейся цифрой, пока на листе не замигало число

четырееста, выделенное красным цветом. Он, с усталостью лошадей, тащивших дрова не один километр, правой рукой прикрыл глаза. Затем отер пот со лба и обратился ко мне:

— Премного прошу извинять. Поскольку императрица ожидается на бал, каждый четырехсотый гость проходит без иметь титул, знать пароль и нести благотворительность. Вы как раз и есть тот четырехсотый, прошу. — И дворецкий мелкими шажками подбежал к изумрудному покрывалу, которое могло запросто остановить непрошенных гостей.

Передо мной предстала карусель. Не из пластмассовых ярмарочных лошадок, а образованная кружащимися под Штрауса парами танцоров. Выдохнув и выпрямив спину, я вошел в сияющий серебром зал и чуть не был унесен потоком. Танцующие с оглушительной скоростью проносились мимо. Они двигались не как принято в вальсе, плавно, по кругу, а какими-то вихрями, образуя несколько водоворотов. Кто-то уверенно, но вместе с тем бережно оттянул меня к стене. Спасителем оказался круглолицый мужчина маленького роста, в синей шляпе, напоминающей котелок Чарли Чаплина, и тренировочном костюме — сером и мешковатом. Одной рукой он схватил меня под локоть, а другой бережно придерживал миску с клюквой, присыпанной сахаром.

— Из-за этой чертовой императрицы все так и норовят покончить с собой под ногами плясунов! — вздорно и одновременно добродушно воскликнул старикашка.

— Я не собирался... кончать с собой... Все равно спасибо! — озадаченно ответил я.

— Ох, да вы говорите по-русски! — и собеседник похлопал пухлыми пальцами по краю миски, изображая аплодисменты. — Как приятно, как приятно! Позвольте и извольте — проведем процедуру представления. Герцог Карлсен-Волынский, не родственник мигранта Волынского, а почетный дворянин, представитель, как сейчас говорят, смеси норвежской и русской кровей.

Смирившись, что сейчас придется врать, я слегка, краешком лба поклонился новому знакомому. По доброй традиции — ложь искать на потолке — хотел, дабы оттянуть время, притвориться, что залюбовался. Верхняя часть зала было покрыта кружевом из серебра. Нити тонких гирлянд того же металла со встроенными в них маленькими лампочками спускались вниз на полметра. И в этот миг последние лучи заходящего солнца, лившиеся из огромных окон западной стены, погасли, и множество кружевных нитей засияли сиреневыми, бледно-розовыми и голубыми огоньками. Никто, кроме меня, не обратил внимания на перемену.

— Уважаемый герцог, имя мое вряд ли известно в ваших краях. Называют меня просто — виконт Алеша Огоньковский. — На самом деле фамилия моя была еще какая дворянская — Волконский, однако называть ее не стал: мало ли что предки мои могли натворить почти за сто лет. — Не подскажите, где мне найти графиню Задунайскую, очень в ней нуждаюсь.

— Вы Огоньковский?! — герцог в попытке всплеснуть руками разбросал клюкву в радиусе полуметра. — Вы хотите пообщаться с графиней?! Я не позволю! Только-только появилась надежда, а вы хотите все испортить? Не бывать.

— Что испортить?

— Что ж вы думаете, я ничего не понимаю. Подсунут вам пару тысяч, десятков тысяч или даже миллион крон, и вся планируемая операция медвежьему павиану под хвост! Шапочники, трубочисты, прачки, да что там — банкиры из года в год драматизировали, рефлексировали и депрессировали. И что же, они это зря? Ну нет, не позволю народное горе пустить по ветру, лягу поперек вашей дорожки. Не пущу!! — Тут взгляд герцога скользнул по рукаву пиджака и свежему растекающемуся пятну размякшей клюквы с сахаром на нем. — Извините, надо почиститься. —

И, дружелюбно улыбнувшись, почетный дворянин норвежских и русских кровей удалился.

Растерянный, я посмотрел направо, налево и прямо, оборачиваться не стал — сзади была стена. Сплошной белый шум, рябь перед глазами. Пришлось напрячь зрение, чтобы выхватить из круговерти одну из танцующих пар. Мужчина облачен во все белое, девушка — в серое. Следующие «плясуны» черное-серые, еще одни — сплошь серые. Да и прочие гости не отличались: те же три цвета — скучные до безнадежности. В чем же подвох? Где разноцветная лошадиная карусель, виденная мною в первые секунды? Не могли же они за трехминутную беседу с мистером Клюквой все разом переодеться. Змеям под силу, зацепившись за бревно или камень, сбросить кожу за считанные секунды, но где видано, чтобы так умели дворяне. Еще ведь и одеться надо. Статичная персона подсказала ответ: парики! С разными прическами, но непременно яркие: пурпурные и зеленые, сизо-перламутровые и цвета погибающего клена, бурно-оранжевые и бесстрастно-голубые. Сам Бакст позавидовал бы. Примечательно, что бойкот парикам объявили именно лысые мужчины. Все: от молодых, окаймленных от уха до уха рядком волос, до матерых, испытанных временем, — их лысины были покрыты не краской, а скорее, штукатуркой, не уступающей по своей красочности парикам. Тем временем резвоногий вальс продолжался. Высмотреть в толпе графиню Задунайскую было невозможно. Пройдя немного вдоль стены, в противоположной стороне от окон я увидел выход на террасу. Было самое время освежиться и перевести первые впечатления в мысли, а далее в алгоритм поведения на незнакомой территории. И как же все-таки странно знать титул искомого человека, но не иметь даже догадок относительно имени. На пути к бесконечно далеким, увитым плющом дверям я попытался придумать, как могли звать Задунайскую.

Вниз от террасы бежали пушистые кусты, обогнав их, на отдых расположилась полянка, которая боком оперлась о гранит, не дающий Неве растерять на бегу свои воды. Вдали, за рекой, виднелся дирижабль. Влюбленная парочка шагах в двадцати от меня любовалась звездами. На другой стороне террасы, облокотившись на широкие, красного дерева, перила, стояла дама, она мгновенно обернулась на звук моих шагов. Оглядев с головы до ног, попыталась веером скрыть улыбку:

- Ваша рубашка, случаем, не накрахмалена? — обратилось ко мне чарующее сопрано.
- Ну что вы, я не так старомоден.
- Значит, одевались с расчетом на выступление в цирке?

Шпильки, отпущенные в мой адрес ангельским голосом, по ощущениям были схожи с покалыванием тополиного пуха. В то же время она была права: отутюженные коричневый костюм и белая рубашка неприлично выделялись на фоне мышинной серости.

— Почему не танцуете? Вы бы бросались в глаза в толпе, — ее шелковое платье, в пол, цвета шампань, завораживало.

- На службе не полагается.
- Вы смотритель террасы?

Слегка склонив голову на бок, она пронзила меня ироничным взглядом.

— Сага Столсен, журнал «Балы Петербурга», приятно познакомиться. Только не спрашивайте, как я оцениваю качество напитков или блеск паркета. Сегодня дело серьезное. Вы ведь не шпион? Хотя шпион так не вырядился бы. До излияний мошнойки все равно ничего не случится, не составите мне компанию? — И журналистка решительно отбросила за спину щекочущие плечо, искрящиеся золотом локоны.

Мы подошли к перилам и начали наблюдать за суетящимися вокруг дирижабля рабочими. В кустах неподалеку происходило движение. Сага предположила,

что это один из опосумов, которых разводит хозяйка дома — Задунайская. Я же склонялся к мысли о парочке, наскучившей звездами и переместившейся в кусты.

— Вот и настал вечер, который изменит мою жизнь. Вы не представляете, как я устала быть рабом.

— Рабом?!

— Рабочий — раб, какая разница. По сути, хозяин журнала — дворянин — использует нас, как крепостных крестьян. Пиши про балы, а что земли разбазариваются, ерунда! Вот накануне, в честь четырехсотлетия Дома Романовых, наша любимая императрица подарила Японии Сахалин. Про Москву и Мурманск я уже не говорю: прибрали к рукам украинцы и финны.

— Кто бы мог подумать?

— Что вы имеете в виду? Конечно, об этом СМИ не сообщают, но ведь, по слухам, все знают...

— Да-да, конечно, просто уезжал надолго.

Девушка с подозрением уставилась на меня.

— Ну все понятно. Вы считаете, раз у меня норвежское имя, то я Россию любить не могу. Так вы неправы! Я родилась в этой стране и сочувствую от всей души Романовым. Если бы революция 1917 года удалась, то наследник Николая Второго не женился бы на норвежской принцессе и не покатило бы все в тартарары.

На поляну мимо нас хлынула серая толпа. Разгоряченные танцами господ не прерывно опускали кончики пальцев в стаканы с водой и окропляли лицо. Дамы, озираясь, не видит ли кто, приподнимали подола платьев — для проветривания. Над поляной зажглись прожекторы.

— Пошли смотреть на дуэль, — со скупающим видом констатировала Сага.

— А вы не хотите?

— Ох нет, увольте, эти болваны только в краске извозятся...

— То есть?

— Что же, вы никогда не бывали на дуэлях? Зеленой и красной краской зарядят два пейнтбольных пистолета, промахнутся раз десять — только березы испачкают, потом-таки один попадет... К псевдораненому дуэлянту подскочит медсестра в огромных хирургических перчатках, подует, он оживет. Если хотите, идите без меня, — журналистка равнодушно пожала плечами.

— А герцогиня Задунайская там будет?

— Что вы! Конечно, нет. Она обхаживает в задних комнатах нашу козочку.

Мои застывшие глаза и открытый рот заставили Сагу воскликнуть:

— Вам все нужно пояснять! Имя императрицы — Хейдрун — в скандинавской мифологии означает козочку, которая щиплет траву с крыши и своим молоком питает эйнхериев.

С последним словом я решил самостоятельно разобраться, с помощью энциклопедии, поэтому с напускным равнодушием спросил о том, чего там точно не найти:

— Какие еще перемены в последнее время?

— Да всё раздувают скандал с учителями... Наверняка вы ничего не слышали, — Сага лукаво улыбнулась. — Так вот, с начала: дворяне негодуют, почему учителя получают огромные зарплаты, в то время как им самим приходится влачить жалкое существование в разваливающихся дворцах. Действительно, учителя у нас в чести, зарабатывают прилично. А дворяне, пожалуй, ради смеха или для отвода глаз встают. Еще: кухонная техника вновь в дефиците. С тех пор как граф Орловский занялся ресторанным бизнесом и наоткрывал заведений по всей России — теперь не такой уж и бескрайней, — холодильников, тостеров и посудомоек стало не хватать. А все потому, что мы отказались от услуг Голландии и Германии, все делаем сами.

Машины отличные получают, а с чайниками пока не справляемся. Из светского: дамы опять заворчали, не нравятся им, видите ли, что мода уже десятый год не меняется.

Над поляной прокатилась стрельба, а в кустах зашуршали еще сильнее. Новости Саги меня потрясли. Однако времени оставалось немного, необходимо разыскать графиню. С вопросом, как это сделать, я обратился к Саге, а также поинтересовался, знакома ли она с герцогом Карлсен-Вольнским, чтобы понять, представляют ли его угрозы опасность для жизни. Вот что она с подозрением (а девушка была очень подозрительной, осмотрительной и очаровательной) мне скороговоркой ответила:

— Зачем вы разыскиваете Задунайскую? Неужели вы один из прохвостов Козочки? Наш малыш Карлсон оппозиционер, еще тот плут, могу это спокойно сообщить, поскольку не боюсь доносов. Герцог не опасен, он борется ЗА свой идеальный мир, но не ПРОТИВ окружающих... Да какая мне разница, будьте вы хоть опоссумом засахаренным, расскажу вам, где найти Задунайскую.

И журналистка, перегнувшись через перила, указала рукой на дверь недалеко от террасы. Там был виден коридор, который выведет в малую королевскую потайную гостиную. Мы перебросились еще несколькими фразами, одна из которых была хмыком Саги на мое упоминание «прекрасной Задунайской». Я и моя информаторша отправились на поиски: она — бокала акевита с соком, я — загадочной двери со сломанным амбарным замком.

На полпути кусты затрепетали. Меня схватили и затащили в зеленую гущу. Земля была сырая: вероятно, недавно прошел дождь. Над головой смыкались ветви. Тишина. Только краска хлюпала, падая на березу.

— Это не он, точно вам говорю! — возбужденно зашептала голова усача, склонившаяся надо мной.

— Как так?! Представился Огоньковским, — был ответ любителя носиться с миской ягод на балах.

— Мистер, может, вы уже встанете, а то неудобно рассматривать лежачего, — буркнул кто-то у моих ног.

— Бить не начнете? А то, может, полежу?

Карлсон и усач подхватили меня и подняли. И тут же стукнули по голове: нечего башке торчать над кустами. На корточках мы продолжили зародившуюся беседу.

— Кто вы? — массируя виски, спросил собеседник, ранее располагавшийся у моих ног. Это был импозантный блондин с благородными чертами лица. На его коленях покоился парик пурпурного конского волоса.

— Друг, — прошептал я.

— Чей? — суровость не сходила с лица блондина.

— Ваш.

— Ладно. Где Огоньковский?

— Перед вами.

— Послушайте, господи, — не утерпел Карлсон, — не тот это! Ошибочка вышла, надо отпустить.

Блондин глазами указал куда-то вбок. А мне рявкнул:

— Ждите.

Согнувшись пополам, все трое проследовали по протоптанной тропинке. Мне было не страшно, даже весело, поэтому решил дожидаться. Насчитал три попадания краски в березу и одно, кажется, в землю. Заговорщики продолжали копошиться в кустах. А вот толпа взревела — попал! Я высунул из кустов. Как и обещала Сага, к раненому семеняла рыжеволосая медсестра, семеняла надменно и вдумчиво. Опять стукнули по голове — пришлось присесть.

— Мы не знаем, кто вы, почему так одеты, для чего представились не своим именем. Но! Выбора нет, России вы нужны. Для проведения операции необходимы четверо. Огоньковский не явился. Его замените вы, — твердо отпартовал уже на девший свой пурпурный парик мужчина.

— Зачем? Чего вы хотите добиться?

— Хотим избавиться от норвежки, хотим равенства сословий и полов, хотим вернуть Ленина!

— Он же умер?

— Как умер? Когда?

— Ну, возможно, во время прошлого восстания или потом, прожив долгую счастливую жизнь в бегах.

— Эх ты, не Владимира Ильича. Нашего — Дмитрия. Арманд и Ленин бежали в Германию, где вырастили сына Александра Стеффена. Так вот, этот Сашка потом вернулся в Россию, и его правнук — наш Ленин.

— Черт возьми! Но вчетвером — это безумие!

— Ты слышал, что исход Второй мировой войны решили всего одиннадцать диверсантов? Они провернули операцию «Ганнерсайд» и лишили Германию возможности первой заполучить ядерное оружие. Пробрались с большим трудом, зимой, на электростанцию Веморк и взорвали ее со всеми запасами тяжелой воды. У нас задача проще. И план есть. Поможешь? Ты, кстати, кто?

Пришел на бал, как подобает кавалеру, всего одним глазком взглянуть на возлюбленную — и вот втянули в заговор, в революцию.

— А крови много будет? Я Алексей Волконский, долго отсутствовал, про предков своих и вовсе ничего не знаю.

Мы сели в круг. Мужчины, перебивая друг друга, поведали мне бескровный план спасения России от норвежской захватчицы. Их методы я оценил как мягкие, простые и легкие в реализации. Что ж, если провидению все-таки надо, чтобы Ленина обожали дети и он верховодил, не мне, случайному гостю, мешать прогрессу. Единственное мое условие заключалось в безоговорочной безопасности — физической и психологической — графини Задунайской. Заговорщики удивились, но слово дали. По имеющейся у них информации, по окончании дуэли Козочка должна ожидать возвращающихся гостей на троне в бальном зале. Мешкать было нельзя. Усатый собеседник, как оказалось, граф и несусветный богач, протянул мне парик, предназначенный для Орловского, коричневого и потрепанного. На мой костюм было решено закрыть глаза и плюнуть.

Бальный зал преобразился в концертный. Стулья, уже занятые зрителями, составили круг. Посередине круга, на импровизированной сцене, установили пюпитр. Удивительной красоты монахиня с кипой бумаг в руках ловко пробиралась между рядами к месту выступления.

Мне следовало немедленно переместиться к окнам у западной стены. Пробегая за спинами сидящих и выплевывая волосы парика, я так заслушался стихами, что несколько раз споткнулся о ножки стульев.

Блажь торопится мимо уныло,
Обгоняя молитвы и дни.
Под крестом я сию кропотливо
И терзаю несчастные думы свои.

Монашка бойко чеканила слова, с усилием нажимая на каждое, как дятел, стучащий в консервную банку, призывая себе подобных птиц.

С места, указанного для ожидания команды, открывался отличный вид на трон, размещенный у северной стены, и можно было спокойно рассмотреть императрицу.

Эта сорокалетняя женщина поражала своей демократичностью. Из украшений — только диадема с небольшими голубыми камнями, напоминавшими ларимары, не очень дорогие минералы, добываемые в недрах вулканов. Бордовое перкалевое платье с длинными рукавами и струящейся юбкой было украшено голубой вышивкой. В нечто подобное оделась для школьного выпускного скромница-дочь моего близкого друга. На этом сходство не заканчивалось. Искристо-голубые глаза и веснушки украшали лица обеих. И чем только норвежка-блондинка не угодила им? Стало как-то жаль выбивать из-под нее трон. Да еще какая сердечная: на третьем четверостишии монахини пролила слезы в платочек, поданный, по всей видимости, фрейлиной. Женщин, окружающих императрицу, было много. Одни сидели у ног, другие стояли позади трона. Однако все ревностно следили за реакцией своего божества и старались подражать. Одетые во все серое, они напоминали множество теней одного человека. Но вот одна отделилась, проплыла к потаенной двери в стене и вернулась с бокалом для императрицы. Знак мне был подан, когда королевский бокал опустел.

— Супсёрферы, супсёрферы! — именно это слово было велено кричать во всю глотку. Его значение я узнал полчаса назад, в кустах.

Одновременно клич подхватили соратники. Толпа начала всматриваться в распахнутые двери террасы. По команде императрицы, роняя стулья, толкая монахиню, расплескивая напитки, все помчались к Неве. В давке я натолкнулся на Сагу. Девушка радостно шепнула мне: «Начинается» — и сверкнула зелеными глазами колдуньи. На реке мы увидели мужчин, которые, стоя на гладильных досках, гребли метлами. Сага объяснила, что мужчины — спортсмены, с веслами и на досках. Все происходящее я воспринимал как шутку, розыгрыш соседа по комнате в общежитии. Единственное беспокоило: ни у трона, ни среди зрителей не удалось найти Задунайскую. Этот вечер был единственным шансом поговорить с ней, а может, и сделать предложение — тут уж надо было действовать по обстоятельствам.

Между тем пришла пора приступать к следующей фазе — отвлечению внимания. На мои плечи легла забота о фрейлинах императрицы. Сага смотрела во все глаза. Чтобы помочь написать хорошую статью, решил сделать ее соучастницей. Ненавязчивые, веселые, мы уверенно завели беседу с дамами о степени накаченности икр спортсменов, сравнивая одну проплывающую пару ног с другой. Мистер Клюква, в свою очередь, угощал охранников императрицы, четверых мастеров карате, свежими ягодами из карманов. Здесь-то и наступила самая опасная фаза заговора. Блондин улыбнулся императрице, потом подмигнул, потом откинул прядь волос. Обменявшись парой фраз, они вышли из толпы и вдвоем стали удаляться в лес. Служители безопасности агрессивно встрепенулись, словно китайцы, которых обозвали японцами. Хотя они и примирились с неожиданными переменами в протоколе, но работать не привыкли, а тут была явная угроза: императрица не подала сигнала оставить ее в покое. Клюква полетела в траву, Карлсон оставлен в одиночестве. И только вальжный знак рукой хозяйки спас этих располневших на службе борцов от необходимости пробежаться. Грациозно и благодушно герцог Карлсон известил участников бала, что настал час переправляться на лодках через реку для катания на дирижабле.

— Вот и все, дело сделано, — почему-то мне стало грустно, и эти я слова произнес скорее для себя, чем для Саги. Мы, не торопясь и сторонясь царедворцев, прогуливались вдоль Невы.

— Как сделано? Что сделано? — журналистка испугалась, что она что-то упустила, ведь не было ни солдат или рабочих с ружьями, не лилась кровь, не топтали грубыми ботинками символы монархии.

— Я вам все расскажу в обмен на услугу помочь найти Задунайскую.

— Ну что ж такое, вы будете меня просвещать! Ладно, по рукам.

— План построен на слабостях правительницы. Всем известно, как сообщили мне заговорщики, что императрица только на балах позволяет себе вкушать крепкий, тонизирующий напиток викингов. Поэтому, а также потому, что особняк Задунайской находится в пригороде, почти в лесу, и порешили повернуть захват здесь. Приглушив сознание женщины, ее выманили на открытое пространство, в толпу подданных, другим пристрастием — любовью наблюдать за пловцами. Ну, Нева сейчас не так чиста, пришлось заменить на супсёрферов. Далее вы все видели.

— Подождите, я все равно не понимаю. Почему она ушла с незнакомцем, оставив охрану развлекаться? Почему не вернулась?

Под теплыми лучами прожекторов, под шум уносящегося к Каспию потока было на удивление приятно говорить о смене власти, которая повлечет за собой массу горестей. Нет, я не сумасшедший и никакого удовольствия не испытываю от боли человечества. Скорее атмосфера, близость понимающей тебя персоны напомнили солнечные прогулки по Елагину острову с коллегой за обсуждением свежих институтских сплетен. Ни на секунду не забывая о Задунайской, я старался продлить свой рассказ. У нас с Сагой было какое-то сходство. Мы, казалось, духовно близки; без примеси желанья обладать ее телом или стремления поработить ее личность, сделав своей супругой. Как два одуванчика, которые растут рядом и тянутся к солнцу, не обращая внимания друг на друга. Прежде подобное единство я ощущал лишь раз, со школьным другом. В начальных классах мы взахлеб засматривались фильмом «Назад в будущее», в средних — мастерили машины для путешествия во времени. Было суждено, чтобы наша связь разорвалась, жестокий огонь поглотил его. И все-таки я иногда видел друга.

— Сага-Сага, а еще меня корите. Блондин, который увел императрицу, ее возлюбленный. Им удавалось ловко скрывать свои чувства. Уже несколько лет единственной мечтой Козочки, как вы жестоко ее обозвали, было сбежать в деревню у фьорда, осесть в оранжево-красном домике с белой черепицей и вместе с блондином пасти голоногих овец. Лидерских качеств, тщеславия, желанья обладать властью у нее никогда не было. После смерти супруга — Константина Романова — ее и вовсе здесь ничего не держало. Бывшая императрица России сейчас мчится к трапу самолета на машине, которую для влюбленных тайком в лес подогнал усач-богач. И наверно, в эти минуты счастливой женщине сообщают о ее похищении.

Сага была в восторге, вот материал-то получится, авось возьмут в «Негоциант», серьезную, деловую, бескомпромиссную газету. Полил дождь, девушка выставила козырьком руку над глазами. Что такое укрытие может спасти от косых капель — я не понял. На другом берегу послышались взвизгивания, катание на дирижабле расстроилось.

— Новоявленный революционер, пойдемте на поиски вашей барышни, — и Сага захохотала. Ее поведение показалось мне бестактным и возмутило. — Ну скорей же! Сейчас бывшие дворяне начнут возвращаться. Задунайская в особняке, она редко выходит.

Внутри стоял мрак. Может, пробки выбило, а может, экономят. Сага уверенно вела меня по коридорам и залам, лестницам и гостиным. Мы побывали в домовая церкви и музее чучел опоссумов, в кухне и парнике, на крыльце и боковой веранде. Графини не было нигде. После пятого падения в темноте девушка взяла меня за руку. Мы устремились в последнее место — на чердак, где, по сведениям журналистки, Задунайская любила уединяться и любоваться звездами. Скрипнув дверью и убедившись, что графиня там, Сага покинула меня, сделав напоследок глубокий реверанс.

Уже после аудиенции у графини я встретил Сагу еще раз. Участники бала, как мотыльки, рассеялись между двумя источниками света: залом, заполненным разноцветными лучиками огня, и тонушей в резкой, навязчивой белизне поляной. Терраса была затемнена и потому почти пустынна, только Сага, на этот раз прислонившись спиной к перилам, усердно водила пальцем по черному листу, на котором проявлялись белые строки. При виде меня зеленые глаза девушки засияли и осыпали с макушки до плеч золотыми искорками. От мысли, что она рада меня видеть, резко сжалось сердце. Изящно взмахнув рукой, мой белокурый ангел воскликнул:

— Наконец-то можно писать статью на русском!

— Кроме преимуществ, будут недостатки, и очень много, — меланхолично отозвался я. — Монархия — прекрасная сказка. Может быть, все в стране шло не так гладко, но, поверьте, лучше не будет, уйдет только волшебство. Провидению было угодно лишить вас этой сказки, мне так жаль.

— А мне — ничуть. Вот этот репортаж, — и девушка потрясла в воздухе черно-белым листом, — подтвердит мое личное участие в перевороте. Новые власти будут на руках носить!

Она была счастлива, и я ушел.

Теперь расскажу о встрече с госпожой моего сердца Задунайской. О, как долго я ее ждал! Впервые образ обожаемой Задунайской пришел ко мне во сне. Тогда ее лицо еще не имело четких очертаний. Лет через пять я станцевал победоносный танец викингов в Русском музее, потому что на одной из картин узнал ее. Брюнетка с глазами павлина и маленькими мочками ушек, писанная в середине девятнадцатого века, оказалась супругой графа Леокадия Задунайского. После революции единственная правнучка Задунайских отбыла в Индию, где род прервала эпидемия неизвестной болезни. Но надежда была: мир, где 1917 год не выделяется отдельной главой в учебниках по истории. Согласно моим подсчетам, восьмая правнучка Задунайской должна быть совсем юной в 2013 году.

После ухода Саги с чердака я постоял, немного поволновался. Потом заглянул в щель между дверью и косяком: на столике в углу горит синим пламенем свеча, выскокая спинка стула загораживает графиню, только подол кружевного платья выдает ее присутствие. Застегнув пиджак, вытерев о брюки пот с ладоней, я протянул руку, распахнул дверь, сделал два решительных шага и повернулся к сидевшей. Некто выглянул из-за стула. Да простят мне все женщины мира такое сравнение! Возникшее передо мною лицо было похоже на смятое мокрое полотенце; ему было не менее девяноста лет.

— Милок, да ты молодец! Мужчине, не отводящему глаз при встрече с дамой взглядом, следует грамоту давать.

Я оцепенел, словно тысячи маленьких паучков набросились и скрутили тело крепкой паутиной, рыбаки взяли по пойманной рыбе и воткнули мечерылых мне в ступни, будто слесари тисками сдавили череп, а веки мягкими лапками удерживали светлячки. Только рот был на свободе:

— Вы... вы... графиня Задунайская? — неожиданно на губы набросилась стая ос.

— Красавчик, пусть меня засунут в дирижабль и бултыхают в небе тысяча чертей, влюбившихся в ангелов и негодующих в связи с этим, если я не Задунайская, — прокаркала она.

Все кончено, подсчеты оказались неверны. Оковы пауков и одержимости пали. Пора уходить. Уже у дверей я развернулся и задал вопрос, мучивший меня столько лет:

— Графиня Задунайская, не подскажите ваше имя?

— Елена...